

нить» и иногда предварительную оценку факта или политического деятеля: «Террористический режим (602 г.)», «Совет евнуха (914 г.)», «Мистическая смерть Константина (904 г.)», «Тайное соглашение (963 г.)», «Последняя болезнь Мануила (1180 г.)», «Вина без искупления (1205 г.)», «Императрица Анна идет на уступки (1345 г.)».

Достоинством книги является стремление ее автора использовать с впечатляющей полнотой сочинения византийских авторов: они вплетены в ткань текста соответствующей эпохи, а извлечения из них использованы в качестве неперменного эпиграфа к каждой главе. Правда, эпиграфы могут, наряду с выдержками из Михайла Пселла или Никиты Хониата, представлять собой цитаты из трудов Э. Гиббона или Ш. Дяля.

Трехтомная книга Дж.Ю. Норвича эстетически и технически прекрасно оформлена. Великолепно выполнены суперобложки и иллюстрации внутри глав. Каждый том оснащен картами, генеалогическими и синхронистическими таблицами, регистрами имен и территорий. Главы имеют комментарии, а каждый том – соответствующую освещаемому периоду библиографию, представленную преимущественно монографиями западно-европейских ученых, а также материалами энциклопедий и справочников. Из сочинений русских авторов использованы лишь американские труды А. Васильева.

Даже такое издание, технически детально продуманное и выполненное, не лишено мелких опечаток (например, Георгий Кедрин назван Кредином – т. II, с. 8).

Книга, как оговаривает и сам автор, не принадлежит к научным изданиям, но она настолько гармонична в своей композиции, а желание автора не нарушить присущего стране характера внутренних связей столь очевидно, созданные им портреты столь выразительны, что читатель расстанется с ней после прочтения еще раз вернуться к героям повествования. Хотелось бы увидеть книгу Дж.Ю. Норвича в русском переводе, чтобы кто-то из тех, кому почти неведома история Византии (а таких в России, увы, великое множество), взял с полки один из ее томов и вместе с автором открыл для себя почти забытую всеми, кроме специалистов, страну. Такая книга, появившись в русском переводе, пожалуй, в большей степени, чем труды византинистов-профессионалов, поспособствовала бы формированию «византийского пласта» в русском национальном самосознании.

Для характеристики трехтомной книги Дж.Ю. Норвича в полной мере можно использовать слова, вынесенные на суперобложку одного из томов: «Как историк Норвич знает факты. Как писатель он обладает тонким ощущением прекрасного, любви к языку и внимательным взглядом».

М.А. Поляковская

Le partage du monde. Échange et colonisation dans la Méditerranée médiévale. Actes du colloque international. Conques, 1995/Ed. M. Balard, A. Ducellier. Paris, 1998. 494 p.

Памятные даты зачастую являются мощным стимулом для привлечения внимания историков к тем или иным событиям прошлого. Третий международный colloquium по истории средневековой колонизации, проходивший во французском Конке в 1995 г., совпал по времени с двумя юбилеями: 900-летием Клермонского собора, положившего начало эпохе крестовых походов (1095), и 500-летием договора между Испанией и Португалией в Тордесильясе, когда впервые в международном праве было документально оформлено разделение мира на сферы влияния (1494). И если с первым из событий связана вся последующая история средневековой колонизации, то второе позволяет говорить уже о «средневековых прецедентах» колонизации современной, ведь именно в ходе новой и новейшей истории «традиция» разделения мира получила свое продолжение. Эти события определили и основную тему colloquiuma – «le partage du monde» и проблематику большей части докладов, представленных в рецензируемом сборнике. В целом книга и тематически, и методически продолжает линию на изучение средневековой ко-

лонизации, намеченную двумя предыдущими сборниками, вышедшими под эгидой международной исследовательской группы «Histoire de la Colonisation au Moyen Age»¹.

Из пяти разделов книги один посвящен общим аспектам колонизации, в четырех других материал докладов сгруппирован по территориальному принципу: 1) Святая Земля, Византия, исламский мир; 2) Балканы и острова Эгейды; 3) Магриб; 4) Иберийский полуостров. Таким образом, представленные в сборнике доклады охватывают весь средиземноморский регион. Остановимся более подробно на материалах первых трех разделов.

Торговый характер колонизации региона предопределил особое внимание участников коллоквиума к истории предпринимательства. Доклады по этой тематике отличаются широтой проблематики и применением различных исследовательских методик: от вполне традиционного и хорошо себя зарекомендовавшего статистического анализа материалов нотариальных актов до все более популярных в последние годы просопографических исследований.

Доклад Д. Кулона «Барселонская торговля с Сирией и Египтом по актам нотариуса Тома де Белльмунта (1402–1416)» (с. 203–229) показал, насколько оправданным может быть новое обращение к уже, казалось бы, изученным источникам. Несмотря на то что картулярии этого нотариуса неоднократно привлекали внимание историков, Д. Кулону удалось найти свой подход к материалу, ведь, как справедливо было отмечено докладчиком, «пространные темы исследований не позволяли провести детальный анализ актов» (с. 201). Именно тщательный, скрупулезный анализ всего комплекса актового материала (1027 актов комменды) позволил ученому воссоздать достаточно полную картину коммерческих связей между Барселоной и Левантом, изучить структуру и динамику товарообмена, социальный, профессиональный, этнический состав контрактантов, среди которых встречаются не только каталонцы, но и арагонцы, сарагосцы, баски, генуэзцы, флорентийцы. Интересна и нетривиальна предпринятая Д. Кулоном попытка вычленив из актового материала отдельные сведения по истории навигации (типы судов, их маршруты, этнический состав патронов)². Результаты проведенного исследования представлены в форме нескольких таблиц, позволяющих легко оперировать материалом (с. 207–214, 221).

Совсем в другом ключе написан доклад А. Никулеску «Венецианцы и генуэзцы, участники колонизации румынских территорий и устья Дуная в XIV–XV вв.» (с. 233–258). Это пример пространного изложения истории итальянского присутствия в регионе, главным образом на основе синтеза работ других исследователей. Отсутствие серьезной источниковой базы не позволило румынскому ученому даже проверить отдельные сведения, сообщаемые его предшественниками. Так, принято считать, что венецианские галее «линии» лишь трижды (в 1435, 1436 и 1437 гг.) делали остановку в Монкастро³. Однако, по мнению Н. Йорги, венецианская галее в последний раз посетила молдавский порт в 1439 г., а запрет на торговлю в регионе был оформлен постановлением Сената от 2 июня 1439 г. Приводя эти сведения, А. Никулеску сетует на то, что Н. Йорга умолчал об источнике информации, а по «Регестам» Ф. Тирье проверить ее оказалось невозможным (с. 255). Между тем, недостатки этого издания «Регест»⁴ неоднократно отмечались в литературе⁵, а содержащиеся в них лакуны и даже пропуски некоторых важнейших постановлений делают совершенно необходимым обращение к оригиналам документов.

¹ Публикации материалов первых двух коллоквиумов: *État et colonisation au Moyen Âge et à la Renaissance. Actes du colloque international*. Reims, 1987 / Éd. M. Balard. P., 1989; *Coloniser au Moyen Âge. Actes du colloque international*. Toulouse, 1991 / Éd. M. Balard, A. Ducellier. P., 1995 (нашу рецензию см.: ВВ. 1999. Т. 58. С. 248–255).

² Ср.: *Талызина А.А.* Венецианские нотариальные акты: новые возможности старых источников // Материалы I Всероссийской конференции Соросовских аспирантов (Голицыно, март 1998 г.) // World Wide Web: <http://www.osi.ru>.

³ *Карпов С.П.* Путиями средневековых мореходов. М., 1994. С. 58; *Stöckly D.* Le système de l'Incanto des galées du marché à Venise (fin XIII–milieu XVe siècle). Leiden; New York; Köln, 1995. P. 113.

⁴ *Thiriet F.* Régestes des délibérations du Sénat de Venise concernant la Roumanie. P. T. I. 1958; T. II. 1959; T. III. 1961.

⁵ *Карпов С.П.* Трапезундская империя и западноевропейские государства в XIII–XV вв. М., 1981. С. 13; *Он же.* Итальянские морские республики и Южное Причерноморье в XIII–XV вв.: проблемы торговли. М., 1990. С. 8.

В.Г. Ченцова представила результаты просопографического исследования по истории венецианской торговли XIII–первой половины XV в. на локальном материале провинциальных городов Греции (с. 287–295). Ученой удалось выявить несколько семейств, предположительно заинтересованных в торговле на периферии. Однако, по мнению В.Г. Ченцовой, источники не дают оснований говорить об исключительном интересе этих фамилий именно к конкретным местным рынкам, скорее, речь идет о торговых связях в масштабах всего Средиземноморья (с. 294). В целом это заключение лежит в русле наблюдений, сделанных ранее Д. Штэкли по материалам причерноморской навигации⁶. Но, как нам кажется, окончательный вывод можно будет сделать лишь проанализировав весь комплекс данных о лицах, действовавших в конкретном регионе (будь то участники навигации, предприниматели в широком смысле слова, официалы)⁷.

В докладе Д. Штэкли предпринята интересная и неожиданная попытка связать историю венецианской заморской торговли с социальными процессами, происходившими внутри господствующего класса в самой Венеции (с. 49–61). Этот новый взгляд выявил определенную обратную связь: не только знатное положение являлось гарантом доступа к большой коммерции (что общеизвестно), но и участие в коммерческих предприятиях и готовность инвестировать в государственную торговлю и военные экспедиции значительные суммы содействовали аноблированию пополанов. Более того, «система государственной торговли, позволявшая скромным предпринимателям вкладывать средства и получать прибыль, открыла многим доступ к относительно благосостоянию и таким образом способствовала сглаживанию социальных различий» (с. 61). Именно в этом Д. Штэкли видит одну из основных причин стабильности венецианского общества в XIV в.

Однако, как справедливо заметил в заключительном слове один из редакторов издания А. Дюселье, «экономика никогда не идет в отрыве от политики» (с. 487). Не только частная инициатива, но и целенаправленные усилия властных структур играли важную роль в колонизационных процессах. Попытка проанализировать эту роль предпринята в докладах П. Расина и Э. Бассо. Интерес к городам внутренних областей Италии в связи с их вовлеченностью в освоение заморских территорий традиционен для французского ученого⁸. Но если до сих пор предметом исследований П. Расина было непосредственное участие предпринимателей и ремесленников из этого региона в колониальной экспансии в Восточном Средиземноморье, то на этот раз ученый обращается к изучению причин, побуждавших этих людей отправляться в дальние страны, и задается в этой связи вопросом: не была ли эмиграция результатом целенаправленной политики, проводимой коммунальными властями Пьяченцы, Милана, Павии и других городов? Автор приходит к выводу, что местные власти были более всего озабочены проблемами поддержания благосостояния городов, основанного на процветании производства, и борьбы с конкурентами в лице своих соседей, следовательно, ни экспорт технологий, ни отток квалифицированных мастеров не мог соответствовать их интересам (с. 15). С другой стороны, изучение миграционных потоков позволило П. Расину сделать еще одно интересное наблюдение: к середине XIII в. Генуя становится центром, в который переселяются многочисленные ремесленники и купцы из городов внутренних областей Италии, но лишь очень немногие из них решаются испытать фортуны в далеких заморских факториях. Гораздо большую заинтересованность в таком переезде проявляли выходцы из местечек Лигурии, вследствие демографического подъема регулярно «поставлявших генуэзским коммунальным властям лиц, готовых отправиться в Восточное Средиземноморье» (с. 17). По мнению П. Расина, генуэзские власти проводили политику максимального благоприятствования в отношении переселенцев, обеспечивавших защиту и процветание факторий. Несколько иной позиции в этом вопросе придерживалась Венеция,

⁶ *Stäckly D. Les protagonistes de la navigation vénitienne d'État en mer Noire (XIIIe–XVe siècles) // Θησαυροφυλάκιο. 1993. 23. Βερετία. Ρ. 90.*

⁷ См.: *Талызина А.А. Баллистарии на венецианских галях Романии // ВВ. 1999. Т. 58.*

⁸ См.: *Racine P. Image de la colonisation placentine à l'Aias et Caffa à la fin du XIIIe siècle // Rivista di Bizantinistica. 1993. 3. Ρ. 327–346; Idem. Hommes d'affaires et artisans del'Italie intérieure en Méditerranée orientale (vers 1250 – vers 1350) // Coloniser au Mayen Âge... Ρ. 132–149.*

предпочитая освоение захваченных территорий силами местного населения, а не заселение этих земель гражданами Республики и другими итальянцами (пример Крита) (с. 15–16). Следовательно, как заключает П. Расин, «Венеция не проявляет реальной заинтересованности в заморской эмиграции» (с. 16). Как нам кажется, не вполне корректно проводить сопоставление колониальной политики властей Генуи и Венеции на примере, с одной стороны Каффы или Перы, зоны компактного проживания итальянцев в городских условиях, и, с другой стороны, Крита, острова, ориентированного, как отмечает и сам П. Расин, на масштабное сельскохозяйственное производство и обеспеченного достаточными человеческими ресурсами (об этом речь пойдет далее). В Тане, например, мы неоднократно встречаем невенетцианцев итальянского происхождения, задействованных на службе у администрации факторий⁹, либо находящихся там по торговым и иным делам¹⁰. В целом, вопрос о конкретных методах поощрения переселения колонистов на Восток властями Генуи и Венеции нуждается несомненно в дополнительном изучении. Помимо политического в докладе П. Расина рассмотрен и психологический фактор, «восточный мираж», также являвшийся серьезным стимулом для тех, кто собирается искать приключений и богатства на Востоке (с. 18–19).

Сюжеты, рассмотренные П. Расином, совершенно неожиданным образом перекликаются с проблемами, поднятыми в докладе Э. Бассо «От Бусико до Франческо Сфорца. Устойчивость и изменения в восточной политике иностранных синьоров Генуи в XV веке» (с. 63–77). Как показал П. Расин, власти городов внутренних областей Италии не проявляли заинтересованности в колониальных владениях на Востоке, будучи всецело сконцентрированными на итальянской политике. Вместе с тем, именно миланские герцоги на протяжении XV в. дважды становились правителями Генуи, что ставило их перед необходимостью проведения определенной политики на Леванте. Ранее Э. Бассо уже обращался к этой теме, показав роль «колониального» фактора в крахе господства Филиппо Мариа Висконти в Лигурии¹¹. На этот раз итальянский исследователь поставил перед собой более широкую задачу: выявить основные типологические особенности, сходства и различия в политике трех иностранных правителей Генуи в отношении заморских владений Лигурийской республики. По мнению Э. Бассо, «на примере фигур Бусико, Филиппо Мариа Висконти и Франческо Сфорца можно проиллюстрировать три различных менталитета и позиции, которые занимали в отношении Леванта и проблем этой зоны три поколения. От рыцаря, еще искренне и глубоко пропитанного духом крестовых походов, к бессовестному политику, который, однако, не сумел понять до конца сложность ситуации, в которой он оказался, и до опытного военного, который, напротив, после колебаний сумел оценить риск момента» (с. 76). Основной причиной неудач иностранных правителей, как следует из доклада, следует считать то, что они недооценивали значение левантийских владений в глазах генуэзцев, не рассматривали восточный фактор как самостоятельный и подчиняли свою политику в этом регионе решению внутриитальянских задач, что существенно усложняло и без того тяжелое положение факторий перед лицом турецкой экспансии и являлось источником трений с генуэзцами.

Политика венецианских властей на Крите в XIII в. рассмотрена в докладе Д. Якоби (с. 297–313). Ученый характеризует мероприятия, проводимые на острове, как «военную колонизацию» и выделяет два этапа в развитии этой политики. Первый начальный этап

⁹ Палачи венецианского консула Августино из Падуи (Archivio di Stato di Venezia. (Далее: ASV); Cancelleria Inferior. (Далее: CI); Notai, Busta 174, Notaio Cristoforo Rizzo. Cart. 2 // См. нашу публикацию: Причерноморье в средние века. Вып. IV. СПб., 2000) и Онофрио из Кремоны (ASV. CI. Notai, Busta 121, Notaio Donato a Mano. Cart. 2 // См. публикацию Н.Д. Прокофьевой // Там же); врач Якопо из Неаполя (Там же).

¹⁰ Джованни ди Вивенци из Вероны и Бартоломео ди Майяри из Луки, «граждане Венеции, проживающие в Тане» (ASV. CI. Notai, Busta 19(3), Notaio Benedetto Bianco, Cart. 3, f. 4r); Джованни по прозвищу Медзагалия, сын покойного Донато из местечка Ротиджана в Апулии (Там же. f. 2r); Амброджо Ронцо из Милана, Андреа ди Оксидо из Пьяченцы, Антонио ди Панибус Милии из Феррары, Лоренцо ди Мено из Виченцы (ASV. CI. Notai. Busta 121, Notaio Donato a Mano. Cart. 2).

¹¹ Basso E. Filippo Maria Visconti face au problème colonial, politique et administration dans le Levant Génois (1421–1435) // Coloniser au Moyen Âge... P. 199–205.

(1211–1252 гг.) знаменовал собой создание системы военной колонизации, обеспечивавшей, по замыслу венецианских властей, как обработку завоеванных земель, так и военный контроль над ними. Однако Республика ощущала серьезную нехватку в колонистах-переселенцах, что мотивировалось как растущей экономической зависимостью этого слоя, так и нежеланием потенциальных колонистов быть тесно связанными с землей, что ограничивало их возможности заниматься морской торговлей. Поддержание системы военной колонизации на Крите требовало от Венеции все больших капиталовложений на фоне облегчения положения колонистов и их повинностей. Греческое восстание под руководством Алексея Калерги (1252–1299) выявило неэффективность применения колонистов как военной силы. После 1252 г. организованная отправка колонистов на Крит была прекращена, и Республика ограничивалась поддержанием военных структур, созданных на острове в первый период. Всего, по оценке Д. Якоби, речь может идти не более чем о 640 колонистах, отправленных четырьмя партиями за 1211–1252 гг. (с. 312–313). Очевидно, такое количество переселенцев не могло существенно повлиять на демографическую ситуацию на острове: «латинское население Крита явилось прежде всего результатом индивидуальной эмиграции, спонтанной и неволевой» (с. 313). Таким образом, система военного колоната оказалась несостоятельной как с экономической, так и с военной точек зрения.

Взаимоотношения между различными этно-конфессиональными группами как необходимое следствие колонизации – одна из центральных тем коллоквиума. Программное значение имеет, на наш взгляд, доклад А. Лайу «Византийская интерпретация западной экспансии (XI–XII вв.)» (с. 163–179). Выбранный автором период несомненно интересен, поскольку, с одной стороны, тогда речь еще не шла о целенаправленном захвате западноевропейцами непосредственно византийских территорий, с другой, контакты местного греческого населения с латинянами уже начали приобретать регулярный характер, что позволяет говорить о складывании в массовом сознании византийцев образа западноевропейца. «Речь идет о присутствии, кратковременном либо продолжительном, в Византии крестоносцев и итальянских купцов... и, следовательно, об основных формах западной экспансии на Восток... – политико-религиозной и экономической» (с. 163). А. Лайу, проанализировав отношение византийской историографической традиции к норманнам, первым крестоносцам и венецианцам, приходит к выводу: «Образ западного завоевателя, прежде всего норманна, становится образом всех западноевропейцев... Византийцы воспринимали латинян как народ неумеренный во всем: позиция, которую мы можем интерпретировать как образ того, кто должен завоевать весь мир» (с. 178). Латинянин, таким образом, захватчик по природе своей, природе чуждой византийцу, если и проводящему экспансию, то только на территории, некогда принадлежавшие империи. «Между ними и нами – огромная пропасть» (Никита Хониат). Дальнейшая история, как показывают доклады других участников коллоквиума, пойдет не столько по пути преодоления этой пропасти, сколько по пути поиска более-менее приемлемых форм существования.

П. Баденас на примере латинян и греческого населения Кипра выстраивает одну из возможных моделей таких отношений, в рамках которой православной церкви удалось отстоять право на существование и отправление культа, хотя и под жестким контролем католических прелатов. Именно вера явилась основным фактором сплочения местного населения, что во многом обусловило нестабильность и в конечном счете недолговечность западного владычества на острове (с. 335–343).

Роль армянского фактора в колонизации Малой Азии анализируется в докладах Ж. Дедеяна «Проект армянской колонизации Иерусалимского королевства при Амори I (1162–1174)» (с. 101–140) и К. Мутафьяна «Армяне, греки и латиняне в Киликии в период между Первым и Третьим крестовыми походами» (с. 181–191). Если в первом случае армяне играют роль временных союзников «франков», то во втором они выступают уже как самостоятельная сила, которой в конечном счете и суждено было закрепиться в регионе и основать стабильное государственное образование в Киликии (1198).

Участие чехов во Втором и Третьем крестовых походах рассмотрено в докладе В. Гроховой (с. 279–286). Хотелось бы отметить объективность оценок покойной чешской ученой, которая не стремится преувеличить роль своих соотечественников в изуча-

емых событиях: «...в целом чешское участие в крестовых походах было довольно эпизодическим... а преследуемые чешскими воинами цели: захват территорий, раздел добычи, оккупация важных населенных пунктов, – не слишком славными» (с. 284). Чтобы не быть голословной, автор представила все сведения об участии чехов во Втором крестовом походе в виде таблицы (с. 285–286).

Об отношении к мусульманам в Иерусалимском королевстве говорится в докладе С.И. Лучицкой (с. 193–202). Как справедливо замечает автор: «Жизнеспособность государств крестоносцев на Востоке в значительной мере зависела от степени социо-культурной и этно-конфессиональной изолированности завоеванного населения» (с. 193)¹². Исследуя материалы хроник, докладчица приходит к выводу, что представления христиан об исламе в XI–XII вв. носят зачастую фантастический характер, немалое влияние на складывание образа мусульман сыграла церковная традиция. Вместе с тем, «реальные контакты и необходимость мирного сосуществования мусульман и христиан смягчали религиозную нетерпимость и облегчали распространение добровольного обращения» как мусульман в христианство, так и наоборот (с. 202). Таким образом, по мнению С.И. Лучицкой, можно говорить об эволюции менталитета крестоносцев, что не могло не сказаться в свою очередь на их взаимоотношениях с местным населением.

С колонизационными процессами теснейшим образом связано появление таких феноменов как контактные зоны. Карпато-Дунайские земли являют собой яркий пример такой зоны, где культурный симбиоз осуществлялся на основе трех компонентов: местного – валашского и молдавского, православного – славяно-византийского и католического – польско-венгерского. Специфика положения Молдавского и Валашского княжеств в связи со славяно-византийским окружением рассмотрена Б. Юдьо (с. 259–278). К. Делакруа-Бенье, напротив, исследует значение католического фактора, представленного деятельностью миссий Ордена св. Доминика в Центральной и Восточной Европе (1370–1430) (с. 23–34)¹³. Миссионерская активность рассматривается автором не столько в сугубо религиозном, сколько в политическом контексте: «Деятельность доминиканцев действительно вписывается в колонизационный процесс в той мере, в которой они опирались на генуэзскую коммерческую сеть и принимали участие в западной экспансии» (с. 23). Братья-проповедники представлены в докладе как проводники папской универсалистской политики на территориях, традиционно входивших в сферу влияния православной церкви и «византийского мира».

Ряд выступлений посвящен анализу отдельных источников по проблемам колонизации и раздела мира. Л. Балетто, обратившись в своем докладе к широко известным генуэзским «Анналам» Джорджо Стеллы, впервые провела скрупулезное выявление всех сообщений этого автора относительно ближневосточной колонизации (с. 35–48). Исследование было предпринято с целью опровергнуть мнение некоторых историков, рассматривавших XIV в. как время начала упадка Генуэзской республики, последовавшего за блистательными победами конца XIII в. над Пизой (в битве при Мелории) и над Венецией (при Курцоле) (с. 35). Данные, сообщаемые Д. Стеллой, убедительно доказывают, что в XIV в. «Генуя достигла вершины своего могущества, в результате приобретений, сделанных в Эгееде, в первую очередь Хиоса» (с. 48).

В докладе Г. Мартинеса-Гроса «Разделение мира по Идриси» (с. 315–334) проанализированы труды предшественников Идриси (Мукаддаси и Ибн Хаукаля), рассмотрена мусульманская географическая традиция, что позволило ученому точнее определить место своего автора в этой традиции, выявить инновации в представлениях Идриси о картине мира. Характерно, что эти изменения докладчик связывает прежде всего с переменами политического характера, происшедшими в Средиземноморье в XI – середине XII в., оставив в стороне проблемы развития географии как науки, что несомненно так-

¹² Ср. с наблюдениями, сделанными С.П. Карповым на примере взаимоотношений крестоносцев с завоеванным греческим населением: *Культура Византии (XIII–первая половина XV в.)*. М., 1991. С. 19.

¹³ Более подробно об этом см.: *Delacroix-Besnier C. Les dominicains et la chrétienté grecque aux XIVe et XVe siècles*. Collection de L'École française de Rome [237]. Roma, 1997. 476 p. (нашу рецензию см.: ВВ. 2000. Т. 59).

же должно было сказаться на взглядах арабского ученого (с. 317). Систему, созданную Идриси, Г. Мартинес-Грос охарактеризовал как «осторожную географию» (*une géographie prudente*) (с. 333). Уроженец Сеуты, сформировавшийся как личность в Испании и создававший свои труды при дворе христианских норманских королей Рождера I и Вильгельма II на Сицилии, Идриси сумел, по мнению докладчика, сохранив верность своим норманским покровителям, «не принести им в жертву видение мира с позиций интересов ислама» (с. 334).

П. Эдбэри свой доклад посвятил реконструированию системы вассальных связей в Иерусалимском королевстве крестоносцев (с. 141–150), проделав это на основе списка военных обязанностей (1180) – приложении к известному трактату о работе Высшей курии Иерусалимского королевства Жанна д’Ибелина, графа Яффы (ок. 1265 г.)

Беатрис Дансетт предложила новое прочтение «Трактата о Святой Земле Востока» Франческо Сурьяно, рассмотрев роль францисканских миссий на Востоке в переходную эпоху конца XV – начала XVI в. (с. 81–100).

Историческая психология также не была оставлена без внимания участниками коллоквиума. Дж. Франс в своем докладе задает вопрос: «Какое место занимал Иерусалим в коллективном религиозном сознании XI в.?», т.е. накануне крестовых походов (с. 151–161). Исследуя тексты средневековых хронистов, автор приходит к выводу, что необходимо развести почитание небесного Иерусалима и Иерусалим земной в средневековом сознании. Если первый занимал весомое место в системе почитаемых ценностей, то ко второму привлечь интерес удалось лишь папе Урбану, который успешно воспользовался первым фактором и сумел переключить интерес своих современников с идеального образа на конкретный географический объект.

На наш взгляд, три проведенных коллоквиума позволяют говорить о достаточно стабильном коллективе ученых из более чем десяти стран, встречи которых для обсуждения проблем средневековой колонизации уже становятся традиционными. Отрадно отметить участие отечественных историков (В.Г. Ченцова, С.И. Лучицкая) в столь представительном международном форуме. В целом рецензируемый сборник отличается высоким качеством как научных публикаций, так и полиграфического исполнения.

А.А. Талызина

Demetrios Kydones. Briefe / Übersetzt und erläutert von Franz Tinnefeld. Teil 3 (112 Briefe, Register). Stuttgart: Anton Hiersemann, 1999 (Bibliothek der griechischen Literatur, Bd. 50)

В научных кругах уже ожидали выхода очередного тома переведенных германским ученым Ф. Тиннефельдом на немецкий язык писем известного византийского политического деятеля и ученого XIV в. Димитрия Кидониса. Предыдущие тома переводов писем вышли в 1981 г. (первый полутом первой части), 1982 г. (второй полутом первой части) и в 1991 г. (вторая часть)¹. Указанные тома писем Кидониса были изданы в рамках известной серии “Библиотека греческой литературы” (соответственно тома 12, 16, 33, 50).

Включенные в третий том письма Димитрия Кидониса (N 230 – 0341) были особенно ожидаемы исследователями, ибо они приходятся на тот этап в поздневизантийской истории (1382–1388), который менее, нежели предыдущие периоды, обеспечен нарративными источниками. Это было трагическое для Византии время, когда турецкие завоеватели, прежде всего османы, захватили второй по значимости после Константинополя город – Фессалонику. Этот факт стал трагедией и для автора писем, Димитрия Кидониса, для которого Фессалоника была городом, где он родился и вырос, где жила его семья и самые близкие друзья.

Из изданных 112 писем, вошедших в рецензируемый третий том, большая группа – 30 писем – адресованы византийскому императору Мануилу II Палеологу. Это не слу-

¹ См. наши рецензии на эти издания: ВВ. 1986. Т. 46. С. 230–234; 1993. Т. 54. С. 192–194.